

Козлов Алексей Александрович

**Религия графа Л.Н. Толстого, его
учение о жизни и любви**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Александрович К.**
Религия графа Л.Н. Толстого, его учение о жизни и любви / Козлов Алексей Александрович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 224 с.

ISBN 978-5-519-89685-6

ISBN 978-5-519-89685-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Религія гр. Л. Н. Толстого.

Мы считаемъ неудобнымъ и бесполезнымъ предпосылать обзорѣнію этого сочиненія предварительное его изложеніе. Неудобно это потому, что въ немъ заключаются толкованія Евангелія самимъ гр. Толстымъ, обсуживать которыя мы считаемъ себя не компетентными и предоставляемъ высказаться объ этомъ важномъ предметѣ спеціалистамъ по исторіи церкви и богословію. Мы съ своей стороны сдѣлаемъ сочиненіе гр. Толстого о религіи предметомъ анализа съ философской точки зрѣнія; а для этого особо излагать его бесполезно, ибо при самомъ анализѣ и будутъ приведены соотвѣтственныя мѣста или въ подлинномъ текстѣ, или въ краткомъ извлеченіи.

Прежде всего сочиненіе гр. Толстого: «*Ma religion*», можетъ стать объектомъ той философской дисциплины, которая называется *философіей религіи*; спрашивается, соотвѣтствуетъ ли содержаніе сознанія, съ которымъ мы знакомимся изъ книги, понятію религіи. Но здѣсь необходимо является вопросъ: что такое религія или, въ чемъ заключается *сущность религіи*. Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ существуютъ разнообразныя отвѣты, такъ что намъ неизбѣжно приходится представить наше собственное воззрѣніе на этотъ предметъ. Но пусть читатель не пугается: мы не удручимъ его цѣлымъ трактатомъ по философіи религіи, а выскажемъ, возможно кратко и ясно, конечный *результатъ* такого трактата, если бы онъ былъ нами написанъ. Для болѣе ясной мы представимъ наше воззрѣніе на сущность религіи, противопоставляя его воззрѣніямъ другихъ.

Религія не есть філософія и наука, но включаетъ ихъ въ себя какъ элементъ.

Есть мнѣніе (напр. Конта), по которому религія замѣняетъ собою науку у неразвитаго человѣка. Религія, по этому мнѣнію, есть дѣтская, нарождающаяся наука, гдѣ первобытный человѣкъ, не владея научными методами изслѣдованія причинъ явленій, воображаетъ различныхъ дѣятелей и ими объясняетъ происхожденіе и взаимную связь явленій. Религія, значитъ, происходитъ изъ познавательной потребности человѣка и есть какъ бы *суррогатъ науки*. Отсюда выводится слѣдствіе, что разъ эта потребность можетъ быть удовлетворена настоящей (современной) наукой, религія теряетъ свой *raison d'être* и постепенно сходитъ со сцены. Мнѣніе это ложно и односторонне и опровергается во первыхъ тѣмъ, что не можетъ объяснить всѣхъ элементовъ, входящихъ въ извѣстные изъ исторіи комплексы, составляющіе религіозное сознаніе, во вторыхъ опровергается ярко противоположнымъ ему характеромъ нѣкоторыхъ историческихъ религій, напр., буддизма, который никакихъ дѣятелей для происхожденія явленій не признаетъ, а понимаетъ ихъ, какъ выраженіе всеобщаго міроваго закона, въ третьихъ—современными научно-образованными людьми, которые существенно различаютъ въ себѣ религіозное сознаніе отъ научнаго и, не смотря на существованіе точныхъ наукъ, исповѣдуютъ какую либо религію или ищутъ таковой, и наконецъ опровергается самимъ Контомъ, который, не смотря на свое позитивное-філософское сознаніе, хотѣлъ еще религіознаго и *ad hoc* сдѣлалъ попытку основанія позитивной религіи. Но въ мнѣніи Конта, не смотря на его односторонность, есть и истина. Ни одной религіи нѣтъ и быть не можетъ безъ познавательнаго элемента, а именно безъ знанія, хотя бы и въ грубой формѣ, объ *основъ и причинъ* вещей и самого человѣка. Научное или філософское представленіе и понятіе объ этой основѣ и причинѣ отличается отъ религіознаго о ней со-

знанія, хотя, по логическому содержанію, они могутъ быть тождественны. Религіозное сознаніе присоединяетъ къ логическому сужденію о нихъ *особые предикаты*, напр. высочайшаго, святаго, совершеннѣйшаго и пр., которые не вытекаютъ изъ чисто логическаго отношенія къ предмету. Для только логически мыслящаго субъекта важно, на достаточныхъ основаніяхъ установить, что какое-либо А существуетъ и что оно есть причина такихъ то слѣдствій (вещей и человѣка), для того же самаго субъекта, но религіозно относящагося къ этому А, не менѣе важна та добавочная оцѣнка, по которой оно есть наилучшее, высочайшее сравнительно съ слѣдствіями, оцѣнка, не могущая быть объясненною изъ одной только познавательной потребности. а изъ взаимодѣйствія ея съ другими потребностями духа. Отъ той же причины происходитъ и то явленіе, что входящее въ составъ религіи теоретическое знаніе (догма) непременно получаетъ ту форму, которая называется *вѣрою* т. е. знаніемъ, безусловно недоступнымъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Религія не есть продуктъ нравственной воли и дѣятельности, но включаетъ ее въ себя какъ элементъ.

Философы 18-го вѣка (напр. Кантъ) высказывали мнѣніе, что корень религіи въ нравственной потребности и дѣятельности, что человѣкъ нравственныя требованія своей разумной природы представляетъ и представлялъ себѣ въ формѣ заповѣдей, исходящихъ изъ воли Божіей. Отсюда выводилось слѣдствіе, что для того, кто способенъ, на основаніи разума, привести въ систему заповѣдей его же нравственный законъ, религія, какъ *суррогатъ нравственной истины*, не имѣетъ никакого значенія и *raison d'être*. Мнѣніе это также ложно и односторонне и, очевидно, опровергается тѣмъ, что всѣ религіи заключаютъ въ себѣ множество элементовъ, совершенно бесполезныхъ и ненужныхъ (напр., церковь, культъ и пр.) для выполненія каждому чело-

вѣку имъ же самимъ поставленныхъ себѣ нравственныхъ требованій. Нравственная потребность человѣка нуждается въ опредѣленіи *должнаго* или высшей цѣли человѣческой дѣятельности, подчиняющей себѣ всѣ остальные цѣли; а для этого ничего болѣе не нужно, какъ чтобы разумъ нашелъ *основаніе и принципъ*, изъ котораго бы можно было вывести и построить цѣлую систему нравственныхъ заповѣдей, гдѣ всѣ дѣйствія человѣка подчинялись бы этой цѣли. Для этого вовсе не нужно признанія воли Бога, какъ причины и основанія міра, какъ то доказываетъ буддизмъ, одна изъ міровыхъ религій; для этого не нужно религіи, какъ то доказываетъ эпикуреизмъ, который, не бывъ религіей, имѣлъ свою систему нравственности и нравственныхъ людей, жившихъ по этой системѣ, для этого наконецъ не нужно признанія какой либо философіи и метафизики, какъ то доказываетъ примѣръ древнихъ скептиковъ, которые не только не признавали Бога, но и философіи, метафизики, вообще науки, и все таки имѣли свою мораль, выполняли и старались выполнять ее. Наконецъ мнѣніе Канта опровергается существованіемъ религій не только съ различными нравственными системами, но и съ системами, заключающими правила, очевидно, противорѣчащія нравственности, что было бы совершенно невозможно, если бы религія была только формою для дѣйствительности единого и всеобщаго нравственного закона. Но съ другой стороны въ мнѣніи, что религія есть *система, удовлетворяющая нравственнымъ потребностямъ*, есть истина, ибо нѣтъ и не можетъ быть религіи безъ ученія о нравственности. Ученіе это всегда основано на идеѣ о причинѣ вещей и отражается въ сознаніи особеннымъ придаткомъ, который не составляетъ существеннаго признака нравственного сознанія, какъ такового. Придатокъ этотъ состоитъ въ томъ, что религіозно-нравственное сознаніе сопровождается твердою увѣренностью въ *объективномъ значеніи* нравственного дѣянія, т. е., что оно, кромѣ субъективнаго удовлетворенія требованіямъ нрав-

ственного сознанія и совѣсти, осуществляетъ высочайшее благо въ цѣлой системѣ міра, потому что и нравственное или идеальное, и дѣйствительное исходятъ изъ одного корня и источника. Эта форма моральнаго сознанія, или невозможность сомнѣнія въ бесплодности нравственнаго дѣянія, вмѣстѣ съ вышеуказанною формою вѣры и отражается въ особомъ религіозномъ институтѣ, церкви, которая есть не что иное, какъ *объективированная и организованная* догматическая и нравственная вѣра.

Религія не есть продуктъ эгоистическихъ и евдемонистическихъ стремленій, но включаетъ ихъ въ себя, какъ элементъ.

Уже древніе видѣли источникъ религіи въ страхѣ и надеждѣ. („Primus in orbi deos fecit timor“, говоритъ Лукрецій); въ новое же время извѣстный философъ Фейербахъ съ энергіей поддерживалъ ученіе, что желанія и потребности человѣческія составляютъ корень религіи. Мнѣніе это ложно и односторонне и опровергается тѣмъ, что въ религіяхъ есть множество элементовъ, не могущихъ быть объясненными эгоизмомъ и евдемонизмомъ *). Ими никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены величайшіе акты самоотверженія и самоотреченія, столь обычные у подвижниковъ и мучениковъ многихъ религій. Эгоизмъ слишкомъ хорошій *счетчикъ*, чтобы вѣрную смерть, сопряженную не только съ достовѣрными невыразимыми мученіями, но не рѣдко и съ явною потерю всѣхъ условій полнаго и знакомаго земнаго счастья, предпочесть сомнительнымъ и неопредѣленнымъ обѣтованіямъ религіи. Мы говоримъ сомнительнымъ и неопредѣленнымъ, потому что съ одной стороны въ высшихъ религіяхъ есть нарочитое запрещеніе расчета на неизбежное полученіе обѣщаннаго вѣчнаго блаженства подѣ страхомъ не только полной бесплодности самоотверже-

*) Евдемонизмъ есть теорія, по которой цѣль жизни состоитъ въ наслажденіи.

ніа, но даже и осужденія; а съ другой можетъ ли не быть смутнымъ, напримѣръ, соединеніе съ Брамой или еще лучше Нирвана (нѣчто отрицательное) и т. п., сравнительно съ всегда яркими и живыми представленіями эгоизма и евдемонизма. Но однако есть истина и въ томъ, что евдемонизмъ вноситъ свою *долю* и, чѣмъ ниже религія, тѣмъ большую долю своего участія въ образованіи религіознаго сознанія. Несомнѣнно то, что человѣкъ возлагаетъ надежду въ исполненіи своихъ желаній на то, что понимаетъ, какъ основаніе и причину вещей; несомнѣнно также и то, что онъ боится отвратить отъ себя эту благодѣтельную силу и остаться одинокимъ въ непосильной борьбѣ съ безчисленными, враждебными ему силами или, еще того горше, имѣть ее противъ себя; несомнѣнно наконецъ и то, что онъ хочетъ связать „съ высочайшимъ“ и какъ бы поставить подъ его защиту все, что можетъ упрочить его благосостояніе, какъ-то: трудъ, собственность, формы и отношенія общежитія, обычаи, нравы и пр. Но въ религіозномъ сознаніи эти эгоистическіе мотивы какъ бы преобразуются и получаютъ особую окраску, отличную отъ ихъ общежитейскаго и обычнаго проявленія. Во первыхъ, естественный эгоизмъ, съ точки зрѣнія котораго человѣкъ имѣетъ абсолютное право на удовлетвореніе всякаго желанія, въ религіозномъ сознаніи какъ бы отказывается отъ этого права и разсматриваетъ возможное удовлетвореніе того или другого желанія, какъ милость Бога, который дѣлаетъ выборъ между желаніями и своимъ соизволеніемъ освящаетъ только нѣкоторые изъ нихъ. Во вторыхъ, евдемонистическій мотивъ въ высшихъ религіяхъ получаетъ особую форму въ вопросѣ объ окончательномъ, вѣчномъ спасеніи отъ зла и страданія и вѣчномъ блаженствѣ. Такъ какъ путь къ этому вѣчному спасенію есть тотъ же самый, который указывается и нравственными требованіями, т. е., путь самоотверженія и нравственнаго подвига, то высшій религіозный евдемонизмъ теряетъ свой первоначальный характеръ и *совпадаетъ* въ своей

послѣдней цѣли съ противоположною ему по идеѣ нравственную цѣлью.

Религія не есть продуктъ чувствъ и спеціально чувства зависимости отъ абсолютнаго единства всего сущаго, но включаетъ въ себѣ чувствовательную дѣятельность и спеціально чувство зависимости, какъ элементъ.

Извѣстный философъ и теологъ Шлейермахеръ видѣлъ въ чувствѣ зависимости *корень и цѣль* религіи; религіозныя представленія и понятія (т. е. знаніе, философія) и дѣйствія (т. е. нравственныя дѣла и культъ) суть, по его мнѣнію, въ религіи нѣчто сравнительно второстепенное, а именно средство и способы выраженія этого чувства зависимости. Мнѣніе это ошибочно и односторонне и опровергается уже тѣмъ, что, по Шлейермахеру, это чувство зависимости относится къ единству всего міра, слѣдовательно, предполагаетъ предварительную идею, знаніе объ этомъ единствѣ. Далѣе такое мнѣніе предполагало бы психологическую теорію, по которой вообще чувство есть основная дѣятельность духа, что вовсе не доказано. Наконецъ чувство зависимости можетъ быть и помимо религіознаго сознанія, напримѣръ, у раба къ господину, у подданнаго къ государю и т. д. Но опять таки въ этомъ мнѣніи есть истина, ибо у религіознаго субъекта познаніе о причинѣ и основаніи вещей и зависимости отъ нея сопровождается чувствомъ, имѣющимъ особую окраску сравнительно съ тѣмъ же чувствомъ при другихъ отношеніяхъ зависимости. Въ религіозномъ чувствѣ зависимости вполне исчезаетъ элементъ униженія, которымъ можетъ сопровождаться и сопровождается это чувство въ другихъ отношеніяхъ. Въ религіи оно естественно присоединяется, какъ *необходимое дополненіе*, къ той особой, умственной оцѣнкѣ, которая выражается предикатами, „высочайшаго совершеннѣйшаго, святаго“, составляющими, какъ уже выше сказано, придатокъ къ мышленію чего либо причиной вещей. Оба

придатка, ставя философскую мысль на почву религіознаго сознанія, объясняютъ другъ друга на двухъ разныхъ языкахъ; то, что умомъ понимается какъ высочайшее, чувствуется чувствомъ, какъ единственная въ своемъ родѣ владычная, господняя сила.

Религія не мистика, но включаетъ ее въ себя, какъ элементъ.

Мистики вообще и нѣкоторые философы (напримѣръ, Якоби) видятъ сущность религіи въ сознаніи *непосредственной данности* Бога уму или чувству и въ сознаніи сліянія съ нимъ. Мнѣніе это ошибочно и односторонне и опровергается тѣмъ, что предполагая его справедливость, мы имѣли бы во всѣхъ религіяхъ одно представленіе о богѣ и вовсе не имѣли бы буддизма или религіи, гдѣ мѣсто бога занимаетъ законъ. Что же касается до чувства сліянія съ богомъ, то оно возможно и по отношенію къ другимъ объектамъ (напримѣръ, въ художественномъ созерцаніи) и разнится въ этихъ случаяхъ отъ первого только не существенными оттѣнками и степенью интенсивности. Но въ мнѣніи мистиковъ есть истина, ибо религіознаго сознанія не можетъ быть безъ мистическаго момента, т. е., безъ чувства непосредственнаго знанія сущаго или безъ чувства тождества съ абсолютнымъ. Чувство это есть не что иное, какъ выраженіе на языкѣ чувства идеи субстанціальности бытія, и развивается преимущественно на почвѣ религіознаго сознанія, когда религіозный субъектъ старается остановиться мыслію на *абсолютно сущемъ* (состояніе буддійской нирваны, вообще мистическое созерцаніе того, что невыразимо никакимъ опредѣленнымъ содержаніемъ). Тотъ же самый мистическій моментъ выражается въ сознаніи влеченія погрузиться, уничтожиться въ абсолютномъ, а потому чувство сліянія съ нимъ и получаетъ оттѣнокъ *исчезновенія*, небытія того, въ комъ происходитъ сліяніе.

Религія не есть продуктъ идеи и чувства безконечнаго, но включаетъ въ себѣ ихъ, какъ элементъ.